

benimmt den Athem. Ein Buch, das erst durch zehn Censoren gelangen muss, eh es das Licht der Welt sieht, ist kein Buch mehr, sondern ein Machwerk, der heiligen Inquisition, sehr oft ein verstümmelter, ein mit Ruthen gezeisselter, im Munde geknebelter Unglückliche; immer aber in Sklave. . . Im Gebiet der Wahrheit, im Reiche der Gedanken und Geister soll und kann keine irdische Macht entscheiden; die Regierung kann's nicht, geschweige ihr bekutteter Censor. Im Reich der Wahrheit ist er nicht Richter, sondern Parthei, wie der Autor. . . Alle Besserung kann nur durch Erleuchtung werden, ohne Kopf und Hirn regt sich weder Hand noch Fuss» (S. 357—358).

«Je gegründet er ein Staat in seinen Principien, je geordneter und heller und stärker er in sich selbst ist, desto weniger läuft er Gefahr, vom Winde jeder Meinung, von jedem Pasquill eines aufgebrachtten Schriftstellers bewegt und erschüttert zu werden; um so mehr wird derselbe auch Freiheit der Gedanken und (mit einiger Einschränkung nach seiner Situation und Lage) Freiheit der Schriften gönnen, bei der die Wahrheit am Ende doch gewinnt. Nur Tyrannen sind argwöhnisch, nur geheime Bösewichter furchtsam. Ein offener Mensch der Recht thut und auf seinen Grundsätzen fest ist, lässt alles über sich sagen. Er wandelt am Tage und nutzt selbst die ärgsten Lügen seiner Feinde. . . Alle Monopolien der Gedanken sind schädlich. . . Der Regent eines Staats muss beinahe ohne Lieblingsmeinungen sein, damit er die Meinungen aller in seinem Staate umfassen, dulden, läutern und zum allgemeinen Besten lenken könne: daher sind grosse Regenten auch so selten». (S. 357—361).

книга, но поделка святой инквизиции: часто изуродованной, сеченной батожем, с кляпом во рту узник, а раб всегда. . . В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решенный и не должна; не может того правительство, менее еще его цензор, в клобуке ли он, или с темляком. В царстве истины он не судия, но ответчик. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога».

«Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и отрешиться от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки язренного писателя: тем более благоволи оно в свободе мыслей и в свободе писаний, и от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явный муж говорит правду и твердый в правилах своих допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откушы в помышлениях вредны. . . Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог он объять мнения всех и оные в государстве своем дозволить, просвещать и наклонять к общему добру; от того то истинно великие государи столь редки». . . (291—292).

I

Здесь в основном списке «Путешествия», дозволенном к печати с.-петербургским обер-полицмейстером Н. И. Рылеевым, 22 июля 1789 г. (экземпляр за его подписью; хранится в Москве, в ГАФКЭ), первоначально за словом «редки» следовало: «Мудрый правитель, боюсь назвать великим, ибо, прилагая таковые наименования государю живу, почтен буду или рабом, или льстецом, или ханжею.